

Пространственная дифференциация демографических процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их влияние на внешнюю трудовую мобильность населения

ГЛУШКО А.А.¹, РЯБИНИНА Л.И.¹

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
glushko.aa@dvvfu.ru, ryabinina.li@dvvfu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты диагностики дифференциации и динамики важнейших репрезентативных показателей демографического развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона в период 2000–2019 гг. с акцентом на изменение внешней трудовой мобильности населения. Выбранные оценочные показатели отвечают принципам открытости и комплексности. Они стали основой для анализа масштабов и тенденций внутрирегиональных различий в границах изучаемого демографического пространства. На основе вариационного анализа были выявлены показатели, сохраняющие относительно высокую степень дифференциации: среднегодовые темпы прироста населения, коэффициенты естественного и миграционного прироста, коэффициенты общей и суммарной рождаемости, доля городского населения, доля детских и старших возрастов. Во многом они определяют современные межстрановые особенности в формировании потенциала внешней трудовой мобильности, которая обеспечивает как оптимальную аллокацию ресурсов, так и необходимую гибкость, стабильность в развитии региональной экономики. Комплексная оценка внутрирегиональной дифференциации проводилась с применением кластерного анализа интегральных коэффициентов уровня и динамики демографического развития. В результате были выделены пять кластеров стран. В первые три вошли практически все восточноазиатские страны (без Монголии), характеризующиеся относительно низкими значениями интегрального индекса динамики, а в четвертый и пятый – большинство государств Юго-Восточной Азии (без Сингапура и Таиланда), объединенные относительно высокими значениями показателя. Подчеркивается, что активизация перемещений населения в АТР благоприятствует лучшему размещению в странах региона трудовых ресурсов, адаптации их экономики к асимметричным шокам. Обозначены главные направления государственной политики стран в области развития потенциала трудовых ресурсов.

Ключевые слова: интегральный индекс демографического развития, внутрирегиональная дифференциация, вариационный анализ, кластерный анализ, трудовые ресурсы, трудовая мобильность, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Spatial differentiation of demographic processes in the Asia-Pacific region and their impact on the external labor mobility of the population

GLUSHKO A.A.¹, RIABININA L.I.¹

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok
glushko.aa@dvfu.ru, ryabinina.li@dvfu.ru

Abstract. The paper presents the results of the analysis of dynamics and differentiation in the demographic development of the Asia-Pacific region for the period 2000-2019 with emphasis on changes in the external labor mobility of the population. Selected assessment indicators comply with the principles of openness and comprehensiveness. These indicators became the basis for the analysis of the extent and trends of intra-regional differences in the studied demographic space. Based on the variational analysis, the following indicators retained a relatively high degree of differentiation: average annual population growth rates, rate of natural increase, rate of migration, general and total fertility rates, share of urban population, percentages of children and older people in the population. In many ways, they determine modern intercountry differences in forming the potential of external labor mobility, which provides optimal resource allocation and the much-needed flexibility and stability in the development of the regional economy. A comprehensive assessment of intraregional differentiation was carried out using cluster analysis of the integral level coefficients and dynamics of demographic development. Countries were divided in five clusters. The first three clusters included most of the East Asian countries (excluding Mongolia), characterized by the relatively low values of the integral index of dynamics. The fourth and fifth clusters included most states of the Southeast Asia (excluding Singapore and Thailand), characterized by the relatively high values of the index. The authors emphasize on the importance of the intensification of the population movements in the Asia-Pacific region, as it allows for the better placement of labor resources in the countries of the region and the adaptation of their economies to asymmetric shocks. Key directions of the state policies regarding development of the labor resource potential of the countries are presented.

Keywords: integral index of demographic development, intraregional differentiation, variational analysis, cluster analysis, labor resources, labor mobility, Asia-Pacific Region.

Введение

В течение XX в. пространственная структура мирового хозяйства претерпела значительные изменения. Фокус экономического роста стал смещаться из Атлантики в бассейн Тихого океана. Важным конкурентным преимуществом Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) стал обширный рынок труда, его трудоизбыточность при низкой стоимости рабочей силы. Экономический рост сопровождался изменениями в региональной системе воспроизводства населения. Ныне АТР – мощный, динамичный центр мирового хозяйства, торговли, инвестиций, образования и науки. Позиции региона таковы, что любые трансформации (экономические, демографические, социальные), происходящие здесь, имеют глобальные последствия. Данные обстоятельства определили цель исследования – изучение современных тенденций развития процессов естественного и миграционного движения населения, их пространственной структуры, а также роли при формировании трудовых ресурсов АТР. Представляют интерес не только общие закономерности функционирования процессов воспроизводства населения, но и внутренние различия, обусловленные социально-экономической дифференциацией региона. Страны АТР находятся на разных фазах демографического перехода, отличаются степенью миграционной мобильности, в том числе трудоспособного населения.

Региональное пространство АТР значительно и имеет сложную структуру. В данной работе границы исследуемого региона включают страны двух субрегионов – Восточной и Юго-Восточной Азии. Именно здесь располагаются территории, которые начиная со

второй половины XX в. привлекают внимание мирового сообщества быстрым экономическим ростом и социальными трансформациями. Среди них Япония – страна первого в Тихоокеанском регионе «экономического чуда»; вторая экономика мира (по паритету покупательной способности) – Китай и два специальных административных района (САР) КНР – Макао и Гонконг (Аомынь и Сянган). Сюда входят несколько «тигров» – стран «новой индустриализации»: Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины, а также динамичный, причисляемый к новому поколению «тигров», Вьетнам. В то же время несколько государств отличаются очень слабыми экономическими позициями, образуя группу наименее развитых стран: Мьянма, Лаос, Камбоджа. Северная Корея представляет экономику закрытого типа. В рассматриваемых странах сосредоточено более 1/3 мирового населения (2.3 млрд чел.) и рабочей силы мирового хозяйства.

За 60 лет население в регионе выросло в 2.2 раза, при том что его доля в общей численности мирового населения снизилась с 33.5 в 1960 г. до 29.8 % в 2019 г., что является следствием перераспределения населения между крупными географическими регионами, различающимися динамикой воспроизводственных процессов. Менее 1/3 населения АТР сосредоточено в странах Юго-Восточной Азии, при том что в их число входят несколько самых многонаселенных стран мира (Индонезия – 268 млн чел., Филиппины – 108 млн чел., Вьетнам – 96 млн чел.) [1]. Население восточноазиатского сектора превышает 1.6 млрд чел., из которых около 1.4 млрд сосредоточено в Китае. Это определяет региональную структуру трудовых ресурсов. За исследуемый период для Восточной Азии среднегодовые темпы прироста населения (0.61 %) были в 2.5 раза ниже, чем в Юго-Восточной Азии (1.47 %) [1].

Материалы и методы

Для анализа пространственной дифференциации демографического пространства АТР нами использовалась методика А.А. Победина [2]. При этом принималось во внимание, что трактовка интегральных показателей воспроизводства и структуры населения стран будет неполной без обращения к анализу по отдельным демографическим параметрам. Были выбраны и приведены к сопоставимому виду 12 показателей (табл. 1). Период исследования охватил 2000–2019 гг.

Таблица 1

Оценочные показатели демографического развития АТР и их средние значения за исследуемый период [по: 1, 3–5]

Table 1. Estimated indicators of the demographic development of the Asia-Pacific Region and their average values for the study period [by: 1, 3–5]

№ п/п	Показатель	2000 г.	2010 г.	2019 г.
1	Среднегодовые темпы прироста численности населения, %	1.8	1.5	0.8
2	Коэффициент рождаемости, ‰	20.3	17.5	15.1
3	Коэффициент суммарной рождаемости (среднее число детей на 1 женщину)	2.5	2.2	1.9
4	Коэффициент смертности, ‰	7.2	6.5	6.6
5	Коэффициент естественного прироста, ‰	13.1	11.0	8.5
6	Коэффициент миграционного прироста, ‰	3.8	1.9	0.9
7	Доля городского населения, %	53.5	58.9	63.4
8	Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	68	73	76
9	Доля населения в возрасте до 15 лет, %	29.1	24.6	22.2
10	Доля населения в возрасте 15–60 лет, %	64.6	67.5	68.2
11	Доля населения в возрасте 65 лет и старше, %	6.3	7.8	9.6
12	Общая демографическая нагрузка, %	49.7	49.7	47.4

Степень неоднородности по каждому из оценочных индикаторов определялась через расчет статистических величин, применяемых в вариационном анализе: среднее значение, размах вариации, стандартное отклонение, коэффициенты вариации и размаха вариации. Два последних параметра имеют особый смысл в рамках исследования. Так, по величине коэффициента размаха вариации (соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя) можно судить о масштабах его неравномерности среди стран региона. По коэффициенту вариации, характеризующему относительную величину разброса отклонений значений показателя от его средней величины (табл. 1), получаем объективную информацию о степени дифференциации обследуемой совокупности данных: если его значение ниже 33 %, то вариация однородная, а если больше 33 % – неравномерная [2].

Комплексная оценка внутрирегиональной **дифференциации** проводилась с применением кластерного анализа интегральных коэффициентов уровня (УДР) и динамики демографического развития (ДДР) населения. Для каждой страны они рассчитывались на основе выбранных оценочных показателей (табл. 1) по следующим формулам:

$$\text{УДР}_i = \frac{\sum_{j=1}^n S_{ij}}{n}, \quad (1)$$

где УДР_i – уровень демографического развития страны i ; S_{ij} – средний уровень развития страны i по показателю j ; n – количество показателей;

$$\text{ДДР}_i = \frac{\sum_{j=1}^n D_{ij}}{n}, \quad (2)$$

где ДДР_i – динамика демографического развития страны i ; D_{ij} – коэффициент динамики показателя j в стране i ; n – количество показателей.

В свою очередь, для расчета коэффициента динамики каждого из демографических показателей в стране (D_{ij}) использовалась формула:

$$D_{ij} = \frac{S_{ij} + A_{ij}}{S_{ij}}, \quad (3)$$

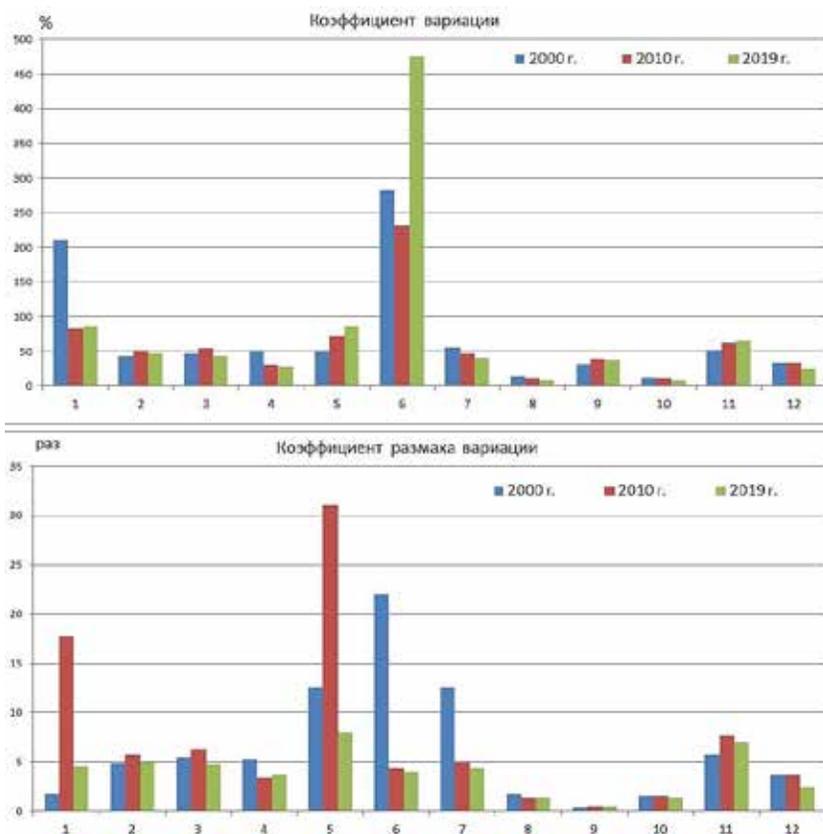
где S_{ij} – средний уровень развития страны i по показателю j ; A_{ij} – средний абсолютный прирост значения показателя j в стране i .

Для выявления кластеров использовался метод Уорда с применением дистанции Евклида в качестве критерия близости значений интегральных коэффициентов, а для определения их оптимального количества анализировалась дендрограмма, выполненная в надстройке MS Excel statistiXL.

Результаты и их обсуждение

Оценка внутрирегиональной дифференциации по отобранным показателям за расчетный период позволила выявить те из них, по которым в наибольшей степени сохраняется неоднородность в пределах изучаемой региональной системы населения (рис. 1).

Из двенадцати показателей восемь характеризуются относительно высоким коэффициентом вариации с превышением 33%-го порогового значения в несколько раз: среднегодовые темпы прироста населения и коэффициенты естественного, миграционного прироста – от 3 до 14 раз; коэффициенты общей и суммарной рождаемости, доля городского населения, доля населения в возрасте 65 лет и старше. Тем самым они по-прежнему сохраняют сильную дифференциацию в региональной системе народонаселения. При этом большинство показателей демонстрируют тенденцию снижения значений коэффициента вариации, что свидетельствует о постепенном ослаблении неоднород-

Примечание: 1 – среднегодовые темпы прироста численности населения, %; 2 – коэффициент рождаемости, ‰; 3 – коэффициент суммарной рождаемости, среднее число детей на 1 женщину, ‰; 4 – коэффициент смертности, ‰; 5 – коэффициент естественного прироста, ‰; 6 – коэффициент миграционного прироста, ‰; 7 – доля городского населения, %; 8 – средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет); 9 – доля населения в возрасте до 15 лет, %; 10 – доля населения в возрасте 15-60 лет, %; 11 – доля населения в возрасте 65 лет и старше, %; 12 – общая демографическая нагрузка, ‰.

Рис. 1. Динамика показателей демографической дифференциации стран Азиатско-Тихоокеанского региона за 2000–2019 гг.

Fig. 1. The dynamics of the demographic differentiation indicators of the countries of the Asia-Pacific region for 2000–2019

ности между странами региона. Одновременно с этим происходит усиление межстрановых различий по основным показателям воспроизводства населения (коэффициенты естественного и миграционного прироста), а также по доле старших возрастов. Так, величина коэффициента вариации коэффициента миграционного прироста с 2000 г. выросла почти 2 раза (рис. 1).

Коэффициент смертности, средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, общая демографическая нагрузка и доля населения в возрасте 15–60 лет сохраняют относительную однородность. Это подтверждается величинами коэффициентов вариации (в среднем в 0.3 раза меньше пороговых 33 %) и незначительными разрывами между максимальными и минимальными значениями (в среднем 1.5 раза). Значения этих коэффициентов за исследуемый период также снизились (рис. 1).

Оценка внутрорегиональной неоднородности основных демографических показателей выявила тенденцию на сохранение значительных различий в процессах воспроизводства и формирования населения АТР. Одновременно с этим для них наметился тренд

на поступательное ослабление. Подтверждается это в том числе и анализом «скорости» прироста численности населения рассматриваемых стран. С одной стороны, показатель сильно дифференцируется между странами, но, с другой – демонстрирует траекторию на постепенное снижение (см. табл. 1, рис. 1). По мнению демографов, эти процессы будут сохраняться вплоть до 2050 г. [1].

Комплексная оценка внутрирегиональной дифференциации АТР по особенностям воспроизводства населения проводилась на основе кластерного анализа интегральных коэффициентов уровня и динамики демографического развития за исследуемый период. Это позволило сгруппировать страны АТР в пять кластеров (табл. 2).

Таблица 2

Кластеры стран Азиатско-Тихоокеанского региона и средние значения показателей и интегральных индексов демографического развития за 2000–2019 годы [по: 1, 3–5]

Table 2. Clusters of the countries of the Asia-Pacific region and average values of indicators and integral indices of demographic development in the period 2000–2019 [by: 1, 3–5]

Страна, территория	Показатели													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Япония	126,2	45000	-0,4	7	11	-3	86	1,4	1	12	60	28	0,88	0,89
В среднем по 1-му кластеру			-0,4	7	11	-3	86	1,4	1	12	60	28	0,88	0,89
САР Сянган (КНР)	7,5	67700	2,8	7	6	1	83	1,1	8	12	72	16	1,04	1,02
Сингапур	5,8	94500	4,7	9	5	4	86	1,1	5	15	71	14	1,11	0,86
САР Аомынь (КНР)	0,7	112480	10,5	9	3	6	85	0,9	16	13	76	11	1,26	0,90
В среднем по 2-му кластеру			6,0	8	5	2	85	1,0	10	14	73	14	1,14	0,92
Китай	1398,0	18140	0,4	11	7	4	76	1,6	0	18	70	12	0,93	0,99
Таиланд	66,4	18160	0,2	11	8	3	76	1,5	0	17	72	11	0,90	0,93
Республика Корея	51,8	40450	0,5	6	6	1	83	1,0	0	13	72	15	0,96	0,93
КНДР	25,7	...	0,7	14	9	5	72	1,9	0	20	70	10	0,94	0,89
Тайвань	23,6	...	0,3	8	7	1	81	1,1	0	13	73	14	0,95	0,89
В среднем по 3-му кластеру			0,4	10	7	3	78	1,4	0	16	71	12	0,94	0,95
Индонезия	268,4	12650	6,0	18	7	11	74	2,3	0	27	67	6	0,99	1,00
Филиппины	108,1	10720	5,1	21	6	15	70	2,7	-1	31	64	5	1,01	0,99
Вьетнам	95,7	7030	3,5	15	7	8	74	2,0	-1	23	70	7	0,99	1,00
Мьянма	55,6	6480	0,8	18	8	10	69	2,2	-3	28	66	6	0,98	1,01
Малайзия	32,8	30600	2,1	16	5	11	76	1,9	1	24	70	6	1,02	0,94
Камбоджа	16,5	4060	5,2	23	6	17	66	2,5	-2	31	65	4	0,94	1,16
Лаос	7,1	7090	4,8	24	8	16	66	2,7	-2	33	63	4	0,95	1,19
Монголия	3,3	12220	6,5	25	6	19	71	2,9	0	31	65	4	1,03	1,11
Бруней	0,4	85790	1,0	15	4	11	78	1,9	0	22	73	5	1,09	0,93
В среднем по 4-му кластеру			3,9	19	6	13	72	2,3	-0,9	28	67	5	1,00	1,02
Восточный Тимор	1,3	6990	8,3	30	6	24	69	4,2	-4	39	57	4	0,92	1,54
В среднем по 5-му кластеру	1,3		8,3	30	6	24	69	4,2	-4	39	60	4	0,92	1,54

Примечание: 1 – население, млн. чел., 2019 г.; 2 – ВНД на душу населения с учетом паритета покупательной способности в 2018 г., US\$ на душу населения; 3 – среднегодовые темпы прироста населения за 2000–2019 гг., %; 4 – коэффициент рождаемости, ‰; 5 – коэффициент смертности, ‰; 6 – коэффициент естественного прироста / убыли, ‰; 7 – средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет; 8 – коэффициент суммарной рождаемости, среднее число детей на 1 женщину; 9 – коэффициент миграционного прироста / убыли, ‰; 10 – доля населения в возрасте до 15 лет, %; 11 – доля населения в возрасте 15–65 лет, %; 12 – доля населения в возрасте 65 лет и старше, %; 13 – интегральный коэффициент уровня демографического развития (УДР); 14 – интегральный коэффициент динамики демографического развития (ДДР).

Кластер 1 представлен Японией, которую отличает высокий уровень экономического развития и урбанизации (92 %). Она имеет *самый низкий уровень и динамику* интегрального коэффициента демографического развития (УДР = 0,88, ДДР = 0,89). В формировании населения сохраняется естественная убыль и регрессивная возрастная структура, в которой на долю старших возрастов приходится 28 %, а на долю детей – 12 %.

Кластер 2 составляют одни из самых высокоразвитых и исключительно «городские» Сингапур, САР Сянган, САР Аомынь. Они характеризуются *высоким уровнем* и *низкой динамикой* показателей демографического развития (УДР = 1.14, ДДР = 0.92). Это обусловлено низкими показателями рождаемости (от 7 до 9 ‰) и естественного прироста населения (от 1 до 6 ‰). Возрастная структура в целом имеет регрессивный, но стабильный характер. Это является следствием относительно высокого миграционного прироста населения (от 5 до 16 ‰). Доля детских возрастов составляет 12–15 %, а старших – 11–16 %.

Кластер 3 образуют высокоурбанизированные и динамично развивающиеся КНР, Тайвань, Таиланд, Республика Корея, а также «наименее развитая» КНДР. Для них также характерны относительно низкие значения интегральных коэффициентов уровня и динамики демографического развития (УДР = 0.94, ДДР = 0.95). Это определяется основными показателями естественного движения населения (рождаемость – от 6 до 11 ‰, естественный прирост – от 1 до 5 ‰). Сохраняется стационарная возрастная структура населения, доля детских возрастов составляет около 16 %, старших – 12 %. Но завершение демографического перехода будет способствовать трансформации возрастной структуры в сторону ее регресса. Уже отмечено снижение темпов прироста детских (0.97) и трудоспособных возрастов (0.97), увеличение роста старших (1.06).

Кластер 4 объединяет развивающиеся страны с разным уровнем достигнутых результатов социально-экономического прогресса и урбанизации: Малайзию, Бруней, Индонезию, Монголию, Филиппины, Вьетнам, Лаос, Мьянму и Камбоджу. Большинство стран отличаются *относительно стабильным уровнем* и *высокая величина* динамики интегрального коэффициента демографического развития (УДР = 1.00, ДДР = 1.02), но при этом между ними отмечается дифференциация основных показателей воспроизводства населения. Так, коэффициент естественного прироста изменяется от 8 ‰ (Вьетнам) до 19 ‰ (Монголия). Коэффициент миграционного прироста – от отрицательных значений в Мьянме до положительных в Малайзии, при том что остальные страны характеризуются его нулевым значением. Все страны сохраняют относительно высокие показатели рождаемости. Здесь завершается демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Сохраняется прогрессивная возрастная структура населения с преобладанием детских (28 %) возрастов над старшими (5 %).

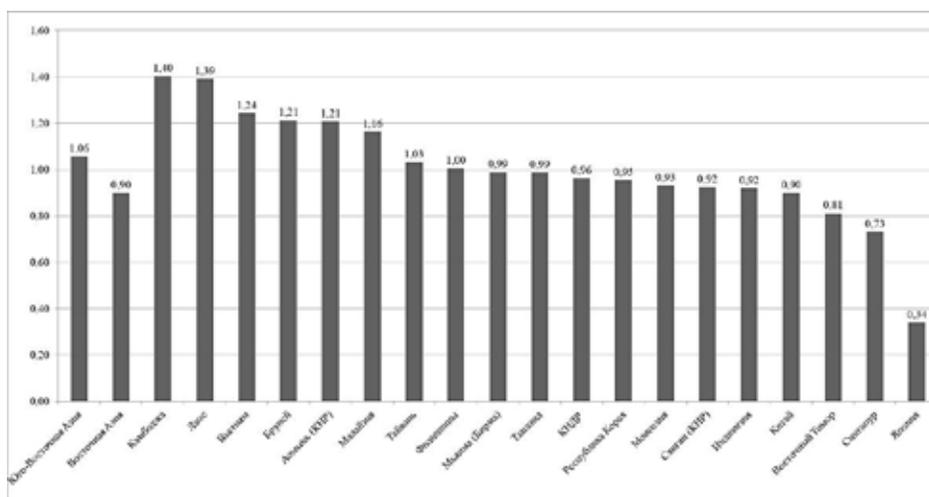
Кластер 5 представлен слаборазвитой и сельской (69 %) страной Юго-Восточной Азии – Восточным Тимором. Его отличает *низкий уровень* и *очень высокая динамика* показателей демографического развития (УДР = 0.92, ДДР = 1.54). Традиционный тип воспроизводства населения обуславливает высокие показатели естественного прироста (24 ‰) и прогрессивную возрастную структуру населения. Доля детей составляет 39 %, старших возрастов – 4 % (табл. 2).

Естественное движение населения в течение XX в. оставалось главным фактором формирования трудовых ресурсов в странах АТР. Численность населения в трудоспособном возрасте в начале 1960-х гг. составляла около 572 млн чел. К 2018 г. трудоспособное население региона увеличилось почти в 2.7 раза и достигло 1543 млн чел. В это же время во многих странах осуществлялся демографический переход от традиционного типа воспроизводства к современному. Причиной, стимулировавшими изменения демографического поведения населения, стали экономический рост, расширение возможностей занятости, развитие образования, здравоохранения, урбанизация, а также демографическая политика государств.

Смена демографического типа сопровождалась изменениями возрастной структуры населения. В середине XX в. население региона отличалось молодостью: на группу в возрасте до 14 лет приходилось 42 % от общей численности населения (в мире – 38 %). Доля старших возрастов составляла 3.8 %. Ныне возрастная структура населения в целом радикально изменилась: дети составляют 22 %, «третий» возраст – 9 %. Из региона с молодым растущим населением АТР переходит в категорию «стареющих», что сказывается на формировании трудовых ресурсов. Доля трудоспособного населения в возрастной

структуре для рассматриваемых территорий значительно различается. Наименьшие показатели отмечены для Восточного Тимора (58 %) и Японии (59 %). При этом обе страны олицетворяют два полюса демографического развития АТР.

Пространственная дифференциация процессов воспроизводства населения определяет различия их воздействия на формирование трудовых ресурсов. Самый низкий коэффициент динамики доли трудоспособного населения (0.34) имеет Япония (рис. 2). Максимум доли трудоспособного населения в стране наблюдался в 1991–1992 гг. (69.8 %) и с тех пор неуклонно снижается. Долгое время для обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами основной акцент делался на повышении эффективности и интенсивности использования собственного человеческого потенциала.

Рис. 2. Индексы динамики доли населения стран АТР в возрасте 15–60 лет за 2000–2019 годы [по: 1]

Fig. 2. Indices of the dynamics of the share of the population of Asia-Pacific countries aged 15–60 years in the period 2000–2019 [by: 1]

Доля лиц трудоспособного населения в Сингапуре и специальных автономных районах (САР) КНР (Аомынь, Сянган) в среднем составляет около 72 %. Однако по ее динамике между территориями существуют различия. Самые высокие (1.21) коэффициенты динамики доли трудоспособного населения имеют место в САР Аомынь. Численность трудовых ресурсов в Сингапуре и САР Сянган также растет, но меньшими темпами (соответственно 0.73 и 0.92). При этом Сингапур, Сянган и Аомынь имеют значительный опыт решения проблемы занятости за счет внешних трудовых миграций.

Доли трудоспособного населения в возрастных структурах КНР, Тайваня, Таиланда, Республики Корея, КНДР изменяются в пределах от 70.5 % (КНДР) до 72.6 % (Республика Корея). При этом максимальные значения показателя только в КНДР приходятся на 2018 г. Для всех остальных стран максимум пройден в более ранние годы: в КНР и Таиланде – в 2010 г., а в Республике Корея – в период 2012–2015 гг. Это свидетельствует о том, что потенциал естественного движения как фактора формирования трудовых ресурсов снижается. Индексы динамики доли населения в возрасте 15–60 лет только для Тайваня составляют больше единицы (1.03). Они близки в государствах Корейского полуострова – КНДР (0.96) и Республике Корея (0.95), в Таиланде (0.99). Самый низкий показатель у Китая – 0.90. Учитывая многонаселенность и тот факт, что в стране завершился демографический переход, можно заключить, что замедление роста населения, в том числе в трудоспособном возрасте, будет иметь последствия для формирования трудовых ресурсов всего региона. В настоящее время степень обеспеченности ими в указанных странах высокая. Однако для ряда отраслей характерно привлечение трудовых мигрантов.

Малайзию, Бруней, Индонезию, Монголию, Филиппины, Вьетнам, Лаос, Мьянму, Камбоджу отличают относительно молодая возрастная структура населения и высокие темпы прироста трудоспособных возрастов (1.14). Население в трудоспособном возрасте составляет в среднем около 67 %, при минимальном показателе для Лаоса (63.3 %) и максимальном для Брунея (72.1 %). Население в возрасте ниже границ трудоспособности (31–32 %) – это потенциал роста трудовых ресурсов в будущем. С учетом активности демографических процессов и ростом продолжительности жизни до 67–70 лет (для сравнения, в 1960 г. продолжительность жизни в Лаосе и Камбодже составляла 41–42 года, Монголии – 48, на Филиппинах – 61 год) демографические процессы будут обеспечивать рост трудовых ресурсов в количестве, избыточном для национальных экономик при их современном состоянии. Максимальные показатели доли трудоспособного населения в большинстве стран не достигнуты, за исключением Монголии (в 2010 г. доля трудоспособного населения достигла 69.2 %, в 2018 г. – составила 65.5 %) и Вьетнама (доля трудоспособного населения начала сокращаться с 2014 г.). Показатель доли трудоспособного населения Восточного Тимора (57.9%) является самым низким в регионе, как и коэффициент его динамики (0.81) (рис. 2). Тем не менее имеющийся потенциал трудовых ресурсов превышает возможности обеспечения занятости в секторах национальной экономики. В 2019 г. коэффициент миграционной убыли здесь составил 4 %.

В целом в регионе определилась тенденция на снижение темпов прироста как демографического потенциала, так и трудовых ресурсов. Так, по оценкам Международной организации труда (МОТ), трудовые ресурсы в АТР «стареют» самыми высокими темпами в мире. За период 2000–2020 гг. средний возраст рабочей силы в регионе вырос на 5 лет (с 35 до 40 лет). Для сравнения, в Западной Азии и Африке – на 1 год, Европе – 3 года, Америке – 4 года. Демографические изменения ведут к снижению доли занятости населения, при этом наибольшее снижение за период 2010–2020 гг. наблюдается в Восточной Азии – с 66.5 до 63.5 %. В Юго-Восточной Азии – с 66.6 до 65.7 % [3]. В современных социально-экономических условиях данные обстоятельства обуславливают необходимость выработки стратегии в отношении не только эффективного использования собственных трудовых ресурсов, но и в сфере трудовых миграций населения.

В 2019 г. накопленный запас мигрантов в АТР составил 18.3 млн чел. Наибольшим числом мигрантов отличаются: Таиланд (3635.1 тыс.), Малайзия (3430.4 тыс.), САР Сянган (2942.3 тыс.), Япония (2498.9 тыс.), Сингапур (2155.7 тыс.), Республика Корея (1163.7 тыс.), КНР (1030.9 тыс.). В общей сложности эти территории сконцентрировали 92 % от общего потока мигрантов. Однако по отношению мигрантов к численности населения лидируют: САР Макао (62 %), САР Сянган (40 %), Сингапур (37 %), Бруней (25.5 %), Малайзия (10.7 %). В остальных странах удельный вес мигрантов составляет не более 5 %. В возрастной структуре мигрантов всех стран доминирует группа 20–64 года, т. е. трудоспособное население [4].

Анализ коэффициента чистой миграции АТР свидетельствует, что большинству стран присущи отрицательные значения коэффициента при разных абсолютных величинах: от -0.3 ‰ (Камбоджа, Вьетнам, Малайзия) до 3.9 ‰ (Восточный Тимор). Отрицательным коэффициентом чистой миграции характеризуются также КНР (-0.4 ‰), Монголия (-0.8 ‰), Лаос (-1.0 ‰), Индонезия (-1.1 ‰), Мьянма (-1.4 ‰), Филиппины (-1.8 ‰).

Положительный коэффициент чистой миграции имеют: Тайвань (0.8 ‰), САР Сянган (1.7 ‰), Бруней и Республика Корея (2.3 ‰), САР Макао (3.3 ‰), Сингапур (11.8 ‰). Нулевые значения коэффициента отмечены для Таиланда и Японии.

В целом для региона отмечается высокий уровень регионализации миграционных потоков. В субрегионе Восточная Азия наиболее значительные по объему миграции связывают материковый Китай и его САР. Это не только имеет значительные последствия для экономики районов, но и в целом сказывается на формировании их населения. Так, САР Аомынь при низких показателях естественного прироста (6 ‰) характеризуется самым высоким показателем среднегодовых темпов прироста населения за 2000–2019 гг. –

10.5 %. Более 1/3 прироста населения составляет иммиграция. Среди въезжающих в САР Аомынь 75 % (300 тыс. чел. из 399.6 тыс. в 2019 г.) составляют жители материкового Китая (преимущественно из провинции Гуандун). Более половины из них (53.6 %) составляют женщины, значительная часть которых занята в сфере услуг. Кроме того, на территории САР присутствуют выходцы из Индонезии, Филиппин, Таиланда [4]. Благодаря миграциям САР Аомынь имеет высокие темпы прироста трудовых ресурсов (1.21), занимая 5-ю позицию среди рассматриваемых территорий (рис. 2), а также обладает самым высоким коэффициентом миграционного прироста населения, который снизился по сравнению с 2001 г. (44 %), но позволяет сохранять роль регионального лидера по данному показателю (16 %).

САР Сянган также привлекает работников преимущественно материкового Китая (более 2 из 2.9 млн общего числа мигрантов). Темпы развития китайских САР хоть и снизились, однако их экономики растут темпами не ниже среднемировых – 3.1 % в 2018 г. Темпы экономического роста САР Аомынь в этом году составили 5.4 % [5]. Это сохраняет привлекательность САР не только для жителей материкового Китая, но и Филиппин, Таиланда, САР Сянган.

Китай занимает особое место в миграционных потоках Восточной Азии и АТР в целом. Трудовые мигранты из Китая существенно пополняют трудовые ресурсы многих стран региона (рис. 3).

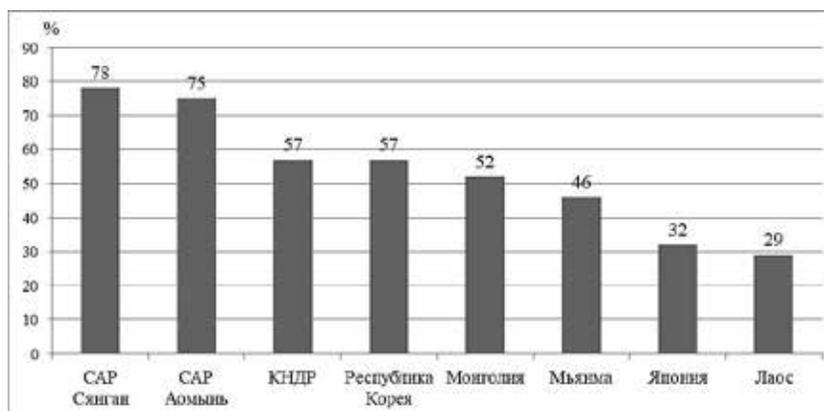

Рис. 3. Доля иммигрантов из КНР в странах АТР в 2019 г. [по: 4]

Fig. 3. The share of immigrants from China in the Asia-Pacific countries in 2019 [by: 4]

Китай обладает огромным потенциалом трудовых ресурсов – более 800 млн. чел. При этом отмечается снижение темпов прироста трудовых ресурсов, и по показателю индекса динамики доли населения в возрасте 15–60 лет (0.90) страна занимает одно из последних мест в АТР. Отметим, что на процессы естественного движения населения было оказано сильное воздействие со стороны государства в виде демографической политики, осуществляемой в Китае в период за 1979–2015 гг. С 2010 г. доля населения в трудоспособном возрасте устойчиво снижалась, достигнув в 2019 г. 71.2 %. В период формирования открытой экономики (с конца 1970-х гг.) Китай стал одним из крупнейших в мире экспортеров трудовых ресурсов низкой квалификации и стоимости. В настоящее время экспорт трудовых ресурсов превышает 10 млн чел., коэффициент чистой миграции отрицательный (–0.4 %). На этом фоне растет трудовая иммиграция, изменяется ее качество и география. В 2010 г. в Китае уже насчитывалось около 600 тыс. иммигрантов. В основном это были низкоквалифицированные работники из Северной Кореи и Вьетнама [6]. Несмотря на рост трудовой иммиграции в страну, доля работников иностранного происхождения сохраняется на низком уровне – 0.1 % от общей численности трудоспособного населения.

В настоящее время трудовая иммиграция в Китае рассматривается как инструмент модернизации. Страна активно переходит от экономики трудоемкой, основанной на ис-

пользовании работников с низкой квалификацией, к экономике, основанной на науке, технологиях и инновациях. Поэтому предпочтение на въезд в страну отдается квалифицированным работникам. Это подтверждается принятием в 2012 г. нового миграционного закона. В 2019 г. общее число мигрантов в стране достигло 1 млн чел. Около 50 % миграционного потока составляют жители САР Сянган (около 300 тыс.) и Республики Корея (около 200 тыс.). В пятерку стран по происхождению мигрантов в Китае входят также Филиппины, Бразилия, Индонезия [4]. В целом около 80 % мигрантов составляют выходцы стран и территорий АТР. Важной частью новой политики в области трудовой иммиграции являются меры, направленные на укрепление связей с китайцами, рожденными на территории Китая и уехавшими в свое время за пределы страны (их в мире насчитывается около 5.3 млн), а также хуацяо (этнические китайцы, проживающие за пределами Китая и его САР, около 33 млн.). Многие из представителей зарубежных китайских диаспор обладают навыками, необходимыми Китаю для обновления его экономики. Закон 2012 г. предоставляет зарубежным китайцам права на покупку недвижимости, пользования социальными, медицинскими и образовательными услугами [7].

В тесные миграционные связи по обмену трудовыми ресурсами вступила Республика Корея. По прогнозам статистического ведомства страны в ближайшее время численность населения начнет сокращаться, а трудовые ресурсы продолжают «стареть». В 2018 г. доля трудоспособного населения составляла 72.6 % [5], к 2030 г. значение показателя снизится до 63.1 %, в 2060 г. составит 49.7 %. Население при этом сократится до 44 млн чел [8]. Столкнувшись с нехваткой рабочей силы в экономике, государство проводит миграционную политику. Количество международных мигрантов в 2018 г. составило 1.48 млн чел, увеличившись за год на 5.0 % (71 тыс.). Более 60 % иммигрантов составляют жители Китая (более 600 тыс.), Вьетнама (около 100 тыс.), а также Филиппин, Таиланда, США и Узбекистана. Отмечено уменьшение потока трудовых мигрантов из Камбоджи и Монголии. Представители этих стран в 1990-е гг. активно трудоустроивались на мелкие и средние предприятия Республики Корея, были заняты на грязных, тяжелых и опасных видах работ.

Ярко выраженный региональный характер имеют трудовые миграции в Юго-Восточной Азии. Большинство стран субрегиона экспортирует трудовые ресурсы в размерах, превышающих их импорт. В целом в силу демографических особенностей Юго-Восточная Азия характеризуется избыточностью трудоспособного населения. При этом на современном этапе социально-экономического развития полная занятость не обеспечивается. Кроме того, в Юго-Восточной Азии в непосредственной близости располагаются страны с очень значительным перепадом потенциалов – не только демографического, но и экономического. Значительно различаются возможности заработка и качества жизни. Еще одним фактором, определяющим пространственные различия миграционных потоков трудоспособного населения в Юго-Восточном секторе АТР, является культурная близость стран и народов.

Одним из самых притягательных центров для региональных мигрантов остается Сингапур. Здесь около 40 % населения имеет иностранное происхождение [9]. В 2019 г. накопленное число мигрантов в субрегионе составило 2.2 млн чел. Сингапур был первой страной, где завершился демографический переход и сформировалась регрессивная возрастная структура населения. Прирост населения в трудоспособном возрасте здесь отличается самыми низкими величинами (после Японии) и составляет 0.73. Более 80 % иностранцев в Сингапуре представляют выходцы из стран АТР, из них более всего (около 40 %) – жители соседней Малайзии, а также Китая, Индонезии. Очень высокой долей иностранцев в общей численности населения, кроме Сингапура, отличается Бруней (25 %). Основу миграционного потока в этой стране составляют жители Малайзии (50 %), Таиланда, Филиппин.

Кроме Сингапура и Брунея странами-реципиентами субрегионального уровня являются Таиланд и Малайзия, накопленное число мигрантов в этих странах составляет 3.6 и

3.4 млн чел. соответственно (2019 г.). При этом доля мигрантов в численности населения обеих стран существенно ниже, чем в Сингапуре, – около 11 % в Малайзии и 5 % в Таиланде. Более 1/3 иммигрантов в Малайзии составляют выходцы из соседней, культурно близкой Индонезии. В Таиланде более 90 % иностранцев представлены мигрантами из соседних страна буддистской культуры: Мьянма (около 2 млн), Лаос (около 1 млн), Камбоджа (0.6 млн).

Географическими особенностями отличается не только распределение потоков мигрантов между странами АТР, но и их качество. Наиболее квалифицированные трудовые мигранты устремляются в страны с устойчивым экономическим развитием и значительными достижениями в социальной сфере: Сингапур, КНР, Республика Корея, что соответствует стратегии последних – усилить экономику кадрами высокой квалификации. Однако, по оценкам, среди иммигрантов преобладают люди с невысоким уровнем образования и профессиональной подготовки. Так, только 20 % мигрантов из стран Юго-Восточной Азии имеют образование выше среднего уровня [10].

Заключение и выводы

В настоящее время АТР сохраняет значение крупнейшего центра сосредоточения мировых трудовых ресурсов. В условиях социально-экономической модернизации усиливается их пространственная неоднородность, обусловленная воздействием комплекса факторов, среди которых важную роль играют процессы воспроизводства населения. Исследование региональных различий динамики и тенденций развития воспроизводственных процессов в период 2000–2019 гг. свидетельствует о сохранении значительной дифференциации демографического пространства Восточной и Юго-Восточной Азии, составляющего «ядро» социально-экономической системы АТР.

Кластерный анализ интегральных коэффициентов уровня и динамики демографического развития позволил выявить группы стран и территорий АТР по особенностям функционирования основных процессов воспроизводства населения в АТР. Три из пяти выделенных кластеров, охватывающих преимущественно страны и территории Восточной Азии (без Монголии), характеризуются относительно низкими значениями интегрального индекса динамики демографического развития (0.89–0.95). В ходе демографического перехода, завершившегося или близкого к завершению в данных странах, сформировалась регрессивная возрастная структура населения и тенденция замедления темпов формирования трудовых ресурсов на фоне их старения. Социально-экономические последствия выявленных тенденций демографического развития в странах первых трех кластеров требуют от правительств, с одной стороны, разработки и проведения действенных мер, направленных на обеспечение экономического развития и модернизации трудовыми ресурсами, с другой – обеспечения качества жизни и социальной поддержки населения в новых реалиях демографического развития. Важным условием социально-экономического развития в странах первого, второго и третьего кластеров стало использование иностранных трудовых ресурсов, что потребовало разработки и принятия новых миграционных законов.

Четвертый и пятый кластеры включают преимущественно страны Юго-Восточной Азии (без Сингапура и Таиланда), объединяемые относительно высокими значениями интегрального индекса динамики демографического развития (в среднем 1.21). Естественное движение населения сохраняет черты традиционности. Прогрессивная возрастная структура способствует сохранению высокого потенциала трудовых ресурсов. В настоящее время многие страны Юго-Восточной Азии сталкиваются с проблемами недостаточной емкости национальных экономик для обеспечения занятости трудовых ресурсов. Трудоизбыточность способствует иной стратегии использования трудовых ресурсов – их экспорта.

В АТР в условиях существования значительных перепадов демографического и трудового потенциалов сформировалась система внутрирегиональных миграций населения трудоспособного возраста. Она включает подсистемы субрегионального уровня.

В перспективе АТР сохранит значение крупнейшего мирового центра народонаселения и рынка труда. Изменения, которые происходят в региональном демографическом пространстве (замедление темпов роста, старение населения, в том числе его трудоспособной части), будут иметь последствия для всей системы мирового хозяйства.

Литература

1. Population Reference Bureau. 2000-2019. World Population Data Sheet. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prb.org/> (дата обращения: 13.01.2020).
2. Победин А.А. Методика анализа дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований // Муниципалитет: экономика и управление. 2011. № 01 (1). С. 029–037 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://municipal.uapa.ru/issue/2011/01/04> (дата обращения: 13.01.2020).
3. The ILO Department of Statistics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ilostat.ilo.org/> (дата обращения: 13.01.2020).
4. Population Division. International Migrant Stock. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/index.asp> (дата обращения: 13.01.2020).
5. The World Bank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 13.01.2020).
6. Attracting skilled international migrants to China: a review and comparison of policies and practices. International Labour Organization; International Organization for Migration; Centre for China and Globalization; ILO Country Office for China and Mongolia; ILO Regional Office for Asia and the Pacific. Beijing: ILO; Bangkok: IOM; 2017. 106 p.
7. Балданова Р.А. Основные тенденции современной иммиграционной политики Китая // Вестн. Моск. гос. областного ун-та (электронный журнал). 2018. № 2. С. 20–28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 13.05.2020).
8. Statistics Korea. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kostat.go.kr/> (дата обращения: 11.05.2020).
9. International Labour Migration Statistics (ILMS) Database in ASEAN. – International Labour Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ilo.org/asia/WCMS_416366/lang--en/index.htm (дата обращения: 13.01.2020).
10. Mauro Testaverde, Harry Moroz, Claire H. Hollweg, Achim Schmillen. Migrating to Opportunity: Overcoming Barriers to Labor Mobility in Southeast Asia. New York: The World Bank, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28342/9781464811067.pdf>. (дата обращения: 13.01.2020).

References

1. Population Reference Bureau. 2000–2019. World Population Data Sheet. Available online: <https://www.prb.org/> (accessed on 13 January 2020).
2. Pobedin, A.A. Methodology for the analysis of differentiation of socio-economic development of municipalities // *Municipality: Economics and Management*. 2011, 01(1). 029-037. Available online: <http://municipal.uapa.ru/issue/2011/01/04> (accessed on 10 January 2020). (In Russian)
3. The ILO Department of Statistics. Available online: <https://ilostat.ilo.org/> (accessed on 13 January 2020).
4. Population Division. International Migrant Stock. 2019. Available online: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/index.asp> (accessed on 13 January 2020).
5. The World Bank. Available online: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed on 13 January 2020).
6. Attracting skilled international migrants to China: a review and comparison of policies and practices. International Labour Organization; International Organization for Migration; Centre for China and Globalization; ILO Country Office for China and Mongolia; ILO Regional Office for Asia and the Pacific. Beijing: ILO; Bangkok: IOM; 2017. 106 p.
7. Baldanova, R.A. Main trends in China's modern migration policy. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, 2, 20-28. Available online: www.evestnik-mgou.ru (accessed on 13 May 2020). (In Russian)
8. Statistics Korea. Available online: <http://kostat.go.kr/> (accessed on 11 May 2020).
9. International Labour Migration Statistics (ILMS) Database in ASEAN. – International Labour Organization Available online: https://www.ilo.org/asia/WCMS_416366/lang--en/index.htm (accessed on 13 January 2020).
10. Mauro Testaverde, Harry Moroz, Claire H. Hollweg, Achim Schmillen. Migrating to Opportunity: Overcoming Barriers to Labor Mobility in Southeast Asia. New York: The World Bank, 2017. Available online: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28342/9781464811067.pdf>. (accessed on 13 January 2020).